

АЛЕКСАНДР ДИАНИН-ХАВАРА

Для приобретения полной, иллюстрированной и
бумажной версии пишите – volkov@hveli.org

ВОСПИТАНИЕ СЕРДЦА

Александр Дианин-Хавард

Воспитание сердца. - М.: Басманный Форум, 2019.-100с. с илл.

ISBN 978-5-9905379-3-4

В человеке есть три очага свободы и ответственности: разум, воля и сердце. Эти три силы тесно связаны между собой. Если одна из них изолируется от других, она искажается и искажает весь человеческий организм. Рационализм, волюнтаризм и сентиментализм – это болезни, делающие человека несчастным и неэффективным. Автор объясняет, как восстановить гармонию между разумом, волей и сердцем. По мнению автора, свободное сердце – сердце, имеющее привычку говорить «Да!» трансцендентным ценностям и побуждениям, когда они проявляются в глубинах нашего существа. Степень нашей свободы зависит от частоты и силы этих «Да!». Свобода сердца – плод напряженной работы над собой.

УДК 30

ББК С 60

Все права защищены. Запрещается полное или частичное использование и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах без письменного разрешения праволадельца.

© Дизайн и верстка: Станислав Волков

© Александр Дианин-Хавард

Оглавление

Предисловие.....	4
От автора.....	6
I ИСТОЧНИК И СРЕДОТОЧИЕ.....	7
II СЕРДЦЕ КАК ДУХОВНАЯ СИЛА.....	12
III РАЦИОНАЛИСТ.....	18
IV ВОЛОНТАРИСТ-СПИРИТУАЛИСТ.....	24
V ВОЛОНТАРИСТ-МАЧИСТ.....	28
VI ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЛОНТАРИСТ.....	31
VII ВОЛОНТАРИСТ-КОНФОРМИСТ.....	35
VIII СЕНТИМЕНТАЛИСТ-СЛАДОСТРАСТНИК.....	38
IX БЕЗУМНЫЙ СЕНТИМЕНТАЛИСТ.....	41
X БЕЗВОЛЬНЫЙ СЕНТИМЕНТАЛИСТ.....	44
XI ЧЕРСТВЫЕ СЕРДЦА.....	47
XII РАНЕННЫЕ СЕРДЦА.....	52
XIII КРАСОТА.....	55
XIV ВЕЛИЧИЕ.....	61
XV ЛЮБОВЬ.....	65
XVI СВОБОДА.....	68
XVII МИЛОСЕРДИЕ.....	72
XVIII СТРАДАНИЕ.....	76
Послесловие.....	79

Предисловие

Июль 2013 года, Момбаса, побережье Индийского океана. Президент комиссии по реализации новой кенийской Конституции пригласил меня представить мою систему нравственного лидерства полусотне депутатов, сенаторов и губернаторов.

Я впервые обращаюсь к политикам. Наступает время вопросов. Встает Джеральд Отъено Кайванг.

Кайванг – известный сенатор. Это мужчина внушительных размеров. Защищая свои идеи, он часто прибегает к физической силе.

Он хватает микрофон: «Александр, вы проповедуете не той публике. Мы политики именно потому, что мы безнравственны. Все мы, здесь присутствующие, бандиты, и, возможно, даже убийцы. Такова наша профессия».

Искренность его слов застает меня врасплох и потрясает.

Беру себя в руки:

– Сэр, то, что Вы бандит и убийца, не проблема.

Кайванг застывает на месте.

– Нет, проблема не в том, что Вы плохой. Проблема в том, что Вы маленький. Проблема зла – не зло само по себе, а сжатие, умаление, убывание бытия, к которому ведет зло. Проблема зла – эстетическая катастрофа, к которой оно

приводит. Духовное измельчание и оскудение – вот ваша проблема, и я здесь, чтобы помочь вам ее решить, потому что мелкий человек – урод.

Кайванг смиренно замолкает. Скоро он умрет от внезапной остановки сердца. Ему 55 лет.

Позже я узнал, что за несколько месяцев до смерти он сильно изменился: он обратил свое сердце, выбрался из своего малодушного тщеславия, чтобы войти в возвышенную сферу великодушия, благородства и красоты. Кайванг стал прекрасной и свободной личностью.

Многие готовы быть плохими, но мало кто готов быть маленьким. Многие охотно признают свою развращенность, но мало кто охотно признает свою мелочность. Развращенная воля – да! Мелочное сердце – нет!

Воспитание сердца – вот что нужно каждому из нас, чтобы вознестись, как орлы, и перестать махать крыльями, как курицы.

Александр Дианин-Хавард

От автора

В отличие от животного, чья воля определяется инстинктом, человек обладает свободной волей: он способен делать выбор. Но помимо этой *базовой свободы* – свободы воли – существует *высшая свобода*: свобода сердца.

Свободное сердце – сердце, имеющее привычку говорить «Да!» трансцендентным ценностям и божественным импульсам, когда они проявляются в глубинах нашего существа. Степень нашей свободы зависит от частоты и силы этих «Да!».

Свобода сердца – плод напряженной работы над собой.

Москва, 29 января 2019

I ИСТОЧНИК И СРЕДОТОЧИЕ

В человеке есть три очага свободы и ответственности: разум, воля и сердце. Разум и воля – исключительно духовные силы. Сердце – сила одновременно духовная и телесная.

Эти три силы тесно связаны между собой. Они могут развиваться только вместе. Если одна из них изолируется от других, она искажается и искажает весь человеческий организм. Рационализм, волюнтаризм и сентиментализм – это болезни, парализующие человека и делающие его несчастным.

Поскольку сердце – сила не только духовная, но и физическая, оно представляет собой самое сложное и в то же время самое богатое составляющее человеческой личности. Счастье испытывает не разум, не воля, а сердце. Сердце человека – это его самое сокровенное «я». Человек сто́ит столько, сколько сто́ит его сердце.

Сердце есть источник физической и психической жизни. Оно источник также жизни духовной. В этом смысле сердце есть фундамент разума и воли.

Сердце есть фундамент разума: оно интуитивно и непосредственно постигает бытие вещей, *исходные данные познания*, которые нельзя

логически доказать, но которые составляют отправную точку рассуждения.

Сердце есть фундамент воли: так же интуитивно и непосредственно оно дает *первоначальное направление* нашей воле (сердце осуществляет основной, часто неосознанный, выбор между Творцом и творениями, между Богом и нашими эгоистическими интересами).

Сердце не только чувствует: оно знает и хочет.

Человек без сердца, человек с пустым сердцем... такого человека не существует. Сердце, как источник, не может быть пустым: оно всегда полно. В нем есть добро и зло, и если добро уменьшается, мгновенно возрастает зло.

Сердце – не только источник, но и средоточие. Оно – центр наших устремлений и нашей любви. «Ибо где сокровище ваше, – говорит Иисус Христос, – там будет и сердце ваше».¹

Сердце – центр наших отношений с Богом. Бог действует сначала в сердце человека, а потом уже в его разуме или воле. Сердце – это орган общения человека с Богом. Бог ближе к нам, чем мы сами к себе, Он знает нас вернее, чем мы сами. Один только Бог знает, что происходит в наших сердцах и насколько искренне мы отвечаем на Его призывы.

---

¹ Мф 6, 21.

Сердце занимает привилегированное место в поэзии, литературе, религии (в частности, в Библии). Ему принадлежит особое место в русской традиции. Петр Чаадаев, Владимир Соловьев, Павел Флоренский – вот известные философы, своей жизнью не меньше чем своим творчеством указавшие на значимость сердца. Зато в истории древнегреческой и западной философии трудно найти главу, где сердце стоит в одном ряду с разумом и волей. К счастью, есть и исключения: блаженный Августин, Блез Паскаль и Дитрих фон Гильдебранд.

Древнегреческая философия – чудо, уникальное и неповторимое. *Идеи* Платона позволяют нам соприкоснуться с потусторонним и вечным миром, из которого мы исходим и к которому возвращаемся. *Добродетели* Аристотеля объясняют нам, что такое настоящий человек и как им стать. И все же ни Платон, ни Аристотель не рассматривали сердце как духовную сущность, отличную от разума и воли. Хотя Платон и пишет трактаты, посвященные любви², в своей философской системе он предоставляет интеллекту исключительное, непомерно высокое место. Хотя Аристотель и утверждает, что человек, практикуя добродетель, испытывает глубокую радость³, тем не менее ставит акцент исключительно на интеллект и волю. Для

---

² См. Платон, *Пир* и *Федр*.

³ Аристотель, *Никомахова этика*, Книга 1.

Аристотеля сердце человека ограничено физиологической и психической сферой, т.е. ничем не отличается от сердца представителей иррационального животного мира. Для греческого философа сердце не обладает духовной силой, не является духовной способностью личности. Создается впечатление, что древнегреческая философия забрала у сердца духовные атрибуты и передала их воле и разуму.

На Западе, до открытия произведений Аристотеля, властителем умов стал блаженный Августин, автор «Исповеди». Августин не сомневается в том, что сердце есть духовная способность человека, даже если он отказывается придавать ему то значение, которое он придает разуму и воле. Но начиная с XIII века, тон в Европе задает Аристотель – с его минималистским пониманием сердца. Придется подождать наступления XVII-го века, когда Блез Паскаль вновь сделает актуальным «вопрос о сердце». Однако мышление человека Нового времени по большей части сформировали не труды Паскаля, а работы о методе его современника Рене Декарта. Для Декарта сердце не представляет интереса, потому что оно не в состоянии *математически* доказать истинность процесса познания. Для Декарта *математический* разум – единственное, что представляет ценность. Декарт – фанатик в своих идеях. Если Платон и

Аристотель не «открыл» сердца, то Декарт его открыл... и сразу же уничтожил!

Как бы то ни было, западные философы подчеркнули значение интеллекта и воли в жизни человека, а русские мыслители сосредоточили свое внимание прежде всего на его сердце. Это объясняет, почему Запад часто обвинял Восток в сентиментализме, а Восток часто критиковал Запад за его рационализм и волюнтаризм. Однако очевидно, что ни один из этих подходов не дает истинного представления, если не учитывается элементарный факт: сердце, разум и воля могут работать только вместе. Совершать добро можно только с чистым сердцем, просвещенным умом и сильной волей.

II СЕРДЦЕ КАК ДУХОВНАЯ СИЛА

Человеческая эмоциональность в ее физиологическом и психическом измерениях похожа на эмоциональность животную. Люди, как и животные, испытывают положительные эмоции, такие как любовь, желание, удовольствие, надежда и смелость, и отрицательные эмоции, такие как ненависть, отвращение, грусть, отчаяние, страх и гнев.⁴

У животных эмоции не имеют моральной окраски. У человека эмоции хороши с нравственной точки зрения, если они побуждают его к добру; плохи, если толкают ко злу. Гнев, который я испытываю, потому что кто-то хочет отнять у меня мою жену, хорош; гнев, который я чувствую, потому что муж замужней женщины отказывается отдать мне свою жену, плох.

Наши добродетели облагораживают наши эмоции. Наши пороки извращают их.

Человек, подобно животному, неизбежно испытывает эмоции физиологического и психического характера. Но в отличие от животного, он может испытывать эмоции более

---

⁴ На Западе подобные эмоции часто называют «страстями», тогда как на Востоке слово «страсть» употребляется исключительно по отношению к извращенным склонностям человеческой природы. Чтобы избежать путаницы, я не буду использовать слово «страсть».

высокого порядка: самоотверженную любовь, глубоко прочувственную благодарность, искреннее раскаяние, сердечное прощение, деятельное сострадание, праведный гнев перед лицом несправедливости, от которой страдают окружающие.

Легко увидеть разницу между эмоциями физиологического или психического характера, общими для людей и животных, и более высокими эмоциями (чувствами), относящимися к духовной сфере.

Духовное чувство формируется сердцем в ответ на определенные *ценности*, которые нас восхищают. Эмоция, которую мы испытываем при встрече с добром, с нравственным подвигом, с красотой в природе или искусстве, – это *свободная* эмоция. Она результат уверенного «Да!», следствие согласия, часто неосознанного, которое мы даем захватывающему нас добру. Такой ответ внутренне преобразует нас и возвышает. Он формирует в нас зачатки добродетели, потому что, прежде чем стать силой, воспитанной волею, добродетель должна быть *ценностью*, воспетой сердцем. Прежде чем стать практическим *навыком*, *действенной способностью*, добродетель должна стать для нас *благом*. Прежде чем ее практиковать, надо ее *желать*.

«Человек может развить в себе полноту духовного богатства, к которому он призван, только если он пронизан, пропитан ценностями, которые он постигает, – говорит Дитрих фон Гильдебранд, – только если его сердце взволновано и воспламенено этими ценностями и отвечает на них огнем радости и любви».⁵

Смиранный человек восприимчив и отзывчив, он свободно покоряется своим благородным эмоциям, он не стыдится их.

Духовная эмоциональность *трансцендентна*: она приобщает нас к реальности, которая больше нас самих. Мы не одухотворяем эмоции физиологического или психического характера. Нет, мы испытываем *духовные* эмоции, которые расширяют и разжигают наши сердца.

Свободное сердце – сердце, умеющее отвечать «Да!» трансцендентным ценностям. Чтобы ответить «Да!», сначала нужно услышать призывы добра и красоты. Для этого нужно *смирение*. Человек, исполненный гордыни, не прислушивается к запредельной реальности. Он убежден, что в мире нет ничего более великого, чем он сам. Гордыня – самое большое препятствие в процессе воспитания сердца.

Когда сердце отвечает на призыв ценностей, нужно подключить к нему разум и

---

⁵ Д. фон Гильдебранд, *Сердце*.

волю. Однако ценности в первую очередь попадают к нам через сердце. Достаточно понаблюдать за поведением маленьких детей: они воспринимают ценности сердцем, одним сердцем. Воспитание сердца начинается в материнской утробе, задолго до воспитания ума и воли. И следы, оставленные в личности воспитанием сердца, гораздо глубже, чем следы, оставленные воспитанием ума и воли.

Человек больше совокупности своих знаний или вещей, которые он может контролировать своей волей. Его бытие проникает в таинственные глубины, выходящие далеко за пределы того, что он может знать или совершить. В сердце смиренного человека Бог производит гениальные прозрения, возвышенные чувства, святые эмоции. Это безвозмездные дары Создателя.

Глубины сердца и глубины подсознания – это разные вещи. Глубины сердца – глубины мистические, глубины общения между Творцом, творениями и сотворенным миром. Глубины подсознания – глубины исключительно психические.

По той или иной причине может случиться, что в течение более или менее длительных периодов нашей жизни сердце уже не откликается на призывы красоты и блага. Оно холодно и сухо. Испанский мистик шестнадцатого века, святой Хуан де ла Крус,

называет подобное испытание «темной ночью чувств и ощущений».⁶

Это испытание – бесспорный экзистенциальный опыт. Оно очищает нас от всяких примесей сентиментализма: мы больше не наслаждаемся нашими эмоциями, потому что у нас больше нет эмоций. Но желание войти в «темную ночь чувств и ощущений» – безумие! Бог не сотворил человека, чтобы сократить его способности. Обычный путь самосовершенствования – это путь царя Давида: «Сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому!»⁷

Наша способность восхищаться добром и красотой – это сила, а не слабость на пути к совершенству.

Иоанн Павел II, первый в истории славянский папа, обладал столь необычным эмоциональным потенциалом, что один из моих друзей, известный профессор антропологии, однажды сказал мне: «Это самый “эротичный” папа двадцатого века!» Естественно он имел в виду платонический Эрос, – эмоцию, возникающую от соприкосновения с земной красотой и возносящую человека к красоте небесной.

---

⁶ Св. Хуан де ла Крус, *Восхождение на гору Кармель*.

⁷ Псалом 83:3

Иоанн Павел II не боялся своих эмоций, потому что он научился открывать в красоте творений красоту Самого Бога.

Нам не следует бояться своих эмоций. Любить людей или вещи любовью, несовместимой с любовью Божией, – вот, чего надо бояться. Только Бог в силах защитить нас от эмоциональных искажений, вызванных похотью. «Люби – и делай, что хочешь», – говорит нам блаженный Августин.⁸ Прежде, чем делать, что хочешь, тебе надо убедиться, что любишь в истине, а не во лжи. Для этого нужна искренность – с Богом, с собой, с окружающими.

«Сердце чистое сотвори во мне, Боже».⁹ Очищение сердца – это процесс, который никогда не заканчивается в этой жизни, подобно тому, как никогда не заканчивается процесс подчинения нашего разума и нашей воли разуму и воле Бога.

---

⁸ Блаж. Августин, *Iohannis Epistolam ad Parthos tractatus decem*, VII, 8.

⁹ Псалом 50:12

III РАЦИОНАЛИСТ

Есть сердца, удушенные разумом: это рационалисты. Есть сердца, удушенные волей: это волюнтаристы. Еще есть сердца, удушающие разум и волю: это сентименталисты.

Сердца, удушенные или удушающие, – сердца неуравновешенные.

Бывает, что сердце подавлено интеллектом. Например, есть люди, для которых жизненные ситуации – всего лишь повод к умножению их познаний. Таких людей ничто не затрагивает, не волнует, не умиляет. Они – вечные зрители. Их ведет любопытство. Они не способны отвечать на жизненные ценности ни радостью, ни грустью, ни сочувствием, ни любовью. Их интересует интеллектуальный анализ. На самом деле они настолько дистанцируются от объекта своего анализа, что неспособны проникать в него, а следовательно – и узнавать его. У них нет доступа к тайнам жизни.

Французский писатель Эрнест Ренан, автор мирового бестселлера «Жизнь Иисуса» (1863) – один из тех людей, чей разум подавляет сердце. Ренан не интересуется *объектом познания*: он интересуется *познанием объекта*. Он не интересуется Христом: он интересуется познанием Христа. Тайна Христа доступна ему

не более, чем тайна жизни и мироздания. Гипертрофия интеллекта делает его сердце непроницаемым. Он не может уловить суть вещей. Одержимый познанием Христа, Ренан хочет «демистифицировать» Евангелия, но, «демистифицируя» Евангелия, он бессознательно воспроизводит Иисуса по своему образу. В своем воображении он разрабатывает легенду, в которую сам же в итоге и верит – «своего рода “Прекрасная Елена” христианства»,¹⁰ как скажет Марсель Пруст. Интеллект Ренана душил сердце, а сердце, бунтуя, порождает исключительно сентиментальный рассказ, пригодный лишь для «беззубых стариков, всему предпочитающих реповое пюре»¹¹.

Как справедливо отмечает русский философ Павел Флоренский, «суть гениального мировосприятия – проникновение в глубь вещей, а суть иллюзорного – в закрытии от себя реальности».¹² Ренан скорее прячется от Христа, чем пытается проникнуть в Его тайну. «Переделать» Христа, «перестроить» Его – лучший способ защититься от Него.

Вглядимся в «Христа на кресте» Веласкеса.
Лицо Распятого частично скрыто за

---

¹⁰ Pléiade, 1971, 94. Ernest Renan et Marcel Proust ou le duel des magiciens, *Mélanges, Jacques Vier*, Paris, Klincksieck, 1973.

¹¹ П. Клодель, *Lettre à H. Massis* du 10 juillet 1923; *Table ronde*, avril 1955.

¹² П. А. Флоренский, *Письмо от 13 мая 1937 года*, написанное дочери Ольге из Соловецкого лагеря особого назначения за несколько месяцев до его казни.

ниспадающими волосами. Бой был тяжелым. Сын Человеческий мертв, но Он все еще говорит с нами. Иисус говорит, что нам не следует бояться боли, потому что боль – пробный камень любви. Ренан, удушенный тем, что сам называет интеллектом, не позволяет своему сердцу удивляться, волноваться, увлекаться. Он считает себя слишком зрелым, слишком взрослым и просвещенным для такого упражнения.

Посмотрим на «Тайную вечерю» Джотто. Голова апостола Иоанна покоится на груди Христа. Ученик, которого любил Иисус, погружается в безбрежное море божественного милосердия. Каждый изливает свое сердце в сердце другого. Ренан прячется, не дает себе прельститься чудом.

Вместо того, чтобы подняться до уровня Бога, Ренан низводит Бога до своего уровня, «переделывает» Его по ничтожным меркам своего выхолощенного сердца. В итоге благородный Христос Евангелия становится *симпатичным* Христом Эрнеста Ренана.

Бывает, что интеллектуалы с незаурядными способностями осознают несоразмерность места, которое занимает интеллект в их жизни. Хороший пример тому – французский философ Жак Маритен, родившийся в протестантской семье в Париже, и его жена Раиса Уманцова, родившаяся в еврейской семье на берегу Дона.

В 1901 году во время учебы в Сорбонне Раиса и Жак почувствовали себя опустошенными, задушенными преобладавшим в те годы сциентизмом¹³. В своей автобиографии Раиса вспоминает: «Мы тогда решили еще на некоторое время довериться неизвестному; мы собирались отдать должное существованию как опыту, который предстоит получить, в надежде, что наш яростный призыв к смыслу жизни получит отклик, что новые ценности проявятся столь ясно, что полностью увлекут нас за собой и избавят от кошмара пагубного и бесполезного общества. Если же этот эксперимент не удастся, решением будет самоубийство; самоубийство – прежде, чем накопится пыль прожитых лет, прежде, чем иссякнут наши молодые силы. Мы решили свободно уйти из жизни, если невозможно будет жить по истине».¹⁴

Под влиянием писателя Шарля Пеги и философа Анри Бергсона, Жак и Раиса начали раскрывать смысл своего существования. Но великим освобождающим потрясением стало для них чтение в 1904 году «Бедной женщины» Леона Блуа. Блуа был тогда малоизвестным писателем, жившим в крайней нищете. Этот «рыцарь нищеты»,¹⁵ – как пишет о нем Николай Бердяев, – изменил жизнь супругов Маритен.

---

¹³ Сциентизм – идеология, рассматривающая науку в качестве религии.

¹⁴ Р. Маритен, *Les grandes amitiés*.

¹⁵ Н. А. Бердяев, *Рыцарь нищеты*.

В своем дневнике Софи Шолль, активистка немецкого сопротивления нацизму, арестованная гестапо и обезглавленная в феврале 1943 года, переписала слова Жака Маритена: «Надо иметь жесткий ум и нежное сердце. Не считая мягких умов с черствым сердцем, мир почти полностью состоит из жестких умов с черствым сердцем и нежных сердец с мягким умом».¹⁶

«Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем, – утверждает Паскаль. – Невозможность доказать определенные знания посредством разума свидетельствует скорей о слабости нашего разума, чем о недостоверности наших знаний. Как бесполезно и смешно разуму требовать у сердца доказательств его познаний, так смешно и бесполезно сердцу требовать у разума *чувствования* положений, которые он доказывает».¹⁷

Интуитивные истины – истины сердца – часто более достоверны, чем рациональные истины, даже если те доказаны математическими методами. А главное, истины сердца почти всегда более фундаментальны и более необходимы для нашего личного роста и счастья.

---

¹⁶ Ж. Маритен, Réponse à Jean Cocteau in *Œuvres complètes de Jacques et Raïssa Maritain*, éd. les Éditions St-Paul, Paris, 1985, t. III, p. 724.

¹⁷ См. Б. Паскаль, Мысли (1670), 101 (Le Guern), in *Œuvres philosophiques*, Gallimard, coll. « Bibliothèque de la Pléiade », 2000, t. II, p. 573-574

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Дай благу, красоте и величию захватить тебя. Не пытайся реальности, тебя превосходящие, низвести к твоему убогому разумению. Позволь себе восхищаться тем, что больше и выше тебя. Перестань считать себя мерой всех вещей. Не старайся овладеть высшей реальностью: дай ей овладеть тобой. Ты постигнешь ее только тогда, когда она охватит тебя всего.

IV ВОЛЮНТАРИСТ-СПИРИТУАЛИСТ

Бывает, что уже не разум, а воля душиет сердце. Мы знаем людей, убежденных в необходимости заставить свои сердца замолчать, чтобы говорила только воля. Для них сердце – не место свободы, нравственности и духовности, а место похоти и эгоизма. Эти люди охотно и убежденно идут против устремлений своего сердца. В этом и состоит для них нравственный подвиг! Им не нужны чувства. Нужен лишь волевой, категорический императив.

Такое понимание нравственного совершенства нанесло большой вред христианству. Хотя христианство есть по сути своей провозглашение свободы сынов Божиих, – провозглашение, обращенное к сердцу человека, – во многих кругах оно воспринимается как совокупность предписаний, которым воля должна холодно подчиниться.

На самом деле мы призваны совершать добро не только посредством своей воли, но и посредством своего сердца, своих чувств, своих эмоций, своей плоти. Мы призваны наслаждаться добром.

Восточная нирвана, стоическая апатия, кантовский морализм и кальвинистское пуританство – вот спиритуалистические учения, не постигающие значения эмоций и чувств в

жизни человека. Человеку, не понимающему онтологической и экзистенциальной ценности своих чувств и эмоций, невозможно достичь совершенства. Нравственный человек управляет своими эмоциями, но не растворяет их в воле.

Чтобы понять, что такое безмолвствующее сердце, достаточно сравнить английскую литературу елизаветинской эпохи (У. Шекспир, Э. Спенсер, Ф. Сидни) (1558-1603) с пуританской литературой (1625-1675). Первая полна тепла и света, жизни и надежды; вторая весьма грустна и пессимистична.

Сравните холсты американской пуританской эпохи с картиной «Юдифь», написанной Караваджо несколькими десятилетиями ранее, в 1599 году. Какая деградация! Пуританские холсты отличаются сухостью. Юдифь Караваджо – страстная, человеческая, воплощенная. Грудь, рот, нос, глаза отражают напряжение жизненной энергии, которая нужна ей для совершения благородного и трудного поступка: обезглавливания Олоферна, врага еврейского народа.

Яркий пример волюнтариста-спиритуалиста – молодой кальвинистский пастор Риверс в «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Хотя Риверс любит Розамунду, он просит выйти за него замуж не ее, а Джейн: он убежден, что Джейн станет лучшей спутницей для миссионера.

Риверс не любит Джейн, а Джейн не любит Риверса, но Риверсу не нужно сердце – ни собственное, ни чужое. И вот во время сомнений и колебаний, в глубине своего существа Джейн слышит голос того, кого она любит, – Эдварда Рочестера. Джейн не выйдет замуж за Риверса, она не совершит «добро» наперекор устремлениям сердца.

Когда заставляешь сердце замолчать, рано или поздно ломается воля. Человеческая воля – не турбореактор, не штурмовой танк. Она коренится в сердце. Сердце дает воле первоначальное направление. Без этого направления любой волевой поступок беспочвенен, каждое решение и каждое действие – это забегание вперед. «Долг во имя Долга» – это бесчеловечный лозунг, он может привести к раздвоению личности.

Прочность наших добродетелей обязана нашему сердцу больше, чем нашей воле.

Человеку в поисках жизненного пути следует вспоминать об этом. Ему следует ответить себе на вопросы: «Чего я ищу в конце концов? Чего я хочу больше всего?».

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Не строй свое существование на превратно понятом чувстве долга или на каких-то нравственных обязанностях, которые существуют только в твоём воображении. Учись делать то, что хочешь. Учись быть счастливым. Убедись в том, что счастье – это не грех.

V ВОЛЮНТАРИСТ-МАЧИСТ

Существует форма волюнтаризма, вызванная не спиритуалистическим искажением, а «мачистским», исключительно мужским подходом к жизни.

2500 лет назад Гиппократ учил, что существует четыре типа темперамента: холерик, меланхолик, сангвиник и флегматик. Холерик и флегматик – это скорее мужские типы темперамента; меланхолик и сангвиник – это скорее женские темпераменты. Первые – рациональные и волевые; последние – теплые и чувствующие.¹⁸

Холерики (и в меньшей степени флегматики) нередко склонны рассматривать меланхоликов и сангвиников как людей, которых надо «омужествить», которых надо «лечить». Они забывают, что в древней Греции именно меланхолия была в центре внимания. «Все меланхолики, – говорит Аристотель, – исключительные, гениальные существа, причем не по болезни, а по природе».¹⁹

Нет недостатка в примерах волюнтаристов-мачистов. Латиноамериканцы – в большинстве своем сангвиники – очень часто воспринимают испанцев – в большинстве своем холериков – как волюнтаристов-мачистов. В отношениях между

---

¹⁸ См. А. Дианин-Хавард, *От темперамента к характеру*.

¹⁹ Аристотель, *Проблемы (раздел XXX,1)*.

испанцами и латиноамериканцами нередко возникают болезненные конфликты: испанец воспринимает латиноамериканца как сентименталиста, которого нужно омужествить; латиноамериканец воспринимает испанца как волюнтариста-мачиста, которого надо смягчить, очеловечить, «успокоить».

Как бы то ни было, это исключительно мужское восприятие жизни опасно: сердце – свое и чужое – заставляют замолчать, потому что стыдно испытывать чувства, стыдно показаться «сентиментальным», стыдно не быть настоящим «мачо». А «изнеженных сентименталистов» исправляют.

Помимо путаницы между понятиями «чувствительность» и «сентиментальность», опасность такого подхода очевидна: формирование сердца – не приоритет; приоритет – формирование воли.

Мачистский подход к совершенству формирует людей, сильных с виду, но внутренне слабых. Если тебе стыдно расчувствоваться, придет время, когда у тебя больше не будет чувств и больше не будет сердца. А без сердца хрупка воля.

Если спиритуалистический волюнтаризм – результат определенного *воспитания*, то мачистский волюнтаризм – плод определенной *культуры*.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Перестань думать, что чувствительность и
сентиментальность – это одно и то же.
Перестань стыдиться своих и чужих чувств.
Откажись от неуместной и ложной стыдливости,
которая парализует тебя.

VI ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЛОНТАРИСТ

В 1992 году в Санкт-Петербурге я познакомился с Мишей, моим дальним грузинским родственником. Миша представил меня своей русской жене Валентине. Миша и Валентина преподавали социальную психологию в одном из университетов бывшей столицы Российской империи и состояли в коммунистической партии Советского Союза.

Миша – теплый и открытый мужчина – был, скорее всего, оппортунистом. Он обосновался в Ленинграде после войны, женился на местной девушке и вступил в партию. Валентина же верила в социализм. Она отдала ему всю свою жизнь и все свое сердце.

Во время нашего разговора Миша признался, что органы безопасности регулярно передавали ему списки студентов, которых нужно было отчислить из университета за их религиозные убеждения. Валентина взорвалась:

– Тебе не обязательно рассказывать Алексу *такие вещи!*

Миша рассказывает *такие вещи*, потому что для него это вещи не личные, не сокровенные: он знал, что поступал дурно, но ему казалось, что у него не было выбора.

Для Валентины, напротив, *такие вещи* интимны: она совершала зло не по приказу, а по любви, во имя светлого будущего, в которое она верила. Идеология заменила ей совесть.

Валентина кончила тем, что сошла с ума. Я часто посещал ее после смерти Миши. Она всегда говорила о Сталине с необыкновенным восторгом. Она очень ценила наши встречи. Я слушал ее. Я полагаю, что в своем безумии она искала твердую почву, на которой могла бы удержаться.

Идеологический волюнтаризм порабощает сердца тех, кто попадает в его сети, но наибольшую опасность он представляет для «щедрых сердец», лишенных мудрости: такие люди целиком могут отдаться процессу саморазрушения.

Посмотрим на колоссальную статую «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной: рабочий с молотом и колхозница с серпом устремлены вперед, руки подняты вверх и слегка касаются друг друга. Эта монументальная скульптура высотой 25 метров и весом в 80 тонн, возведенная для Всемирной выставки в Париже (1937), – символ движения страны казалось бы в светлое будущее, которое обещал коммунизм.

Скульптура «Рабочий и колхозница» – это гимн идеологии «человеческой воли». Конечно, у рабочего и у колхозницы есть сердце, но оно полностью подконтрольно воле. Этот «гимн» есть на самом деле жесткая критика любой идеологии, будь то социалистической или либеральной. Воля колхозницы настолько гипертрофирована, что ее

тело больше не напоминает тело женщины. Это – андрогин.

Скульптура «Рабочий и колхозница» – гениальный символ не только новой эпохи, но целой новой эры, попирающей природу вещей, законы творения, голос Божий в человеке. Этот шедевр – символ целой планеты, жители которой мечутся во рвоте цивилизации, похоронившей сердце, потому что не знают другой верности, кроме как подчинение идеологическим лозунгам.

Инспектор Жавер – полицейский сыщик и антигерой романа «Отверженные» Виктора Гюго, – воплощение этой новой цивилизации. Он – человек без сердца, человек, идеологизированный с головы до пят, скорее система, чем человек. И когда он видит свет, что предлагает ему Жан Вальжан, вместо того, чтобы позволить своему сердцу биться снова, он бросается в Сену и тонет.

Сердце, поглощенное идеологизированной волей, – сердце, погрявшее в болоте обезличивания.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Откажись от идеологии. Научись отличать частную правду, которая в ней содержится, от глобального обмана, который и есть сама идеология. Посмотри на миллионы невинных жертв, которых неумолимо порождают идеологии. Восторгайся достоинством человека. Открой для себя природу – природу вещей. Осознав свои прошлые ошибки, не впадай в отчаяние, не замыкайся в адском лабиринте горечи. Начни все снова – с воскресшим сердцем.

VII ВОЛЮНТАРИСТ-КОНФОРМИСТ

Наряду с волюнтаристом-спиритуалистом, волюнтаристом-мачистом и идеологическим волюнтаристом, есть еще волюнтарист-конформист.

Бывают люди, чье поведение обусловлено не принципами человеческой природы (совестью и добродетелью), а социальными правилами.

Для них нет таких понятий, как *хороший* поступок (поступок, способствующий добродетели и самосовершенствованию) или *плохой* поступок (поступок, мешающий личностному росту): есть только *правильные* поступки (поступки, соответствующие правилу) и *неправильные* поступки (поступки, противоречащие правилу).

Волюнтарист-конформист убежден в своем нравственном совершенстве: соблюдая правила, он выполняет свой «долг».

Франсуа Мориак, лауреат Нобелевской премии по литературе, предлагает нам идеальный пример волюнтариста-конформиста в романе «Тереза Дескейру». Героя книги зовут Бернар, а его жену – Тереза.

Бернар – бессердечный землевладелец. Он жертвует всем – в частности, жизнью и счастьем

своей жены – ради «интересов семьи». «Интересы семьи»... Это правило не знает исключений. Бернар не способен любить Терезу. Для него Тереза существует только как женщина, выбранная для того, чтобы выносить в своем чреве наследника, потомка, будущее интересов семьи. Для Бернара другой Терезы нет.

Этот глубоко несправедливый человек убежден в своем моральном совершенстве, потому что выполняет все то, что продиктовано правилами. В одной из глав Бернар устраивает скандал в парижском театре, потому что спектакль кажется ему непристойным, а дома час спустя заставляет жену терпеть изобретения своего извращенного воображения. У Бернара точное представление о том, что допустимо или недопустимо правилами...

Бернар неспособен любить. В час расставания с Терезой он злится на себя за то, что испытал какие-то эмоции, почувствовал что-то вроде грусти...

Основная проблема волюнтариста-конформиста – в том, что в нем нет любви. Отсутствие любви ослепляет его. Он цепляется за правила, потому что они для него единственная точка опоры, единственная точка отсчета в этой жизни.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Учись любить людей больше правил, больше традиций, больше религиозных, культурных или политических лозунгов. Учись открывать в каждом человеке личность. Еще учись с радостью жертвовать собой ради тех, кого любишь.

VIII СЕНТИМЕНТАЛИСТ- СЛАДОСТРАСТНИК

Восторгаться благородными ценностями и не стыдиться своих эмоций – вот отправная точка.

Обвинять в сентиментализме человека, легко увлекающегося красотой или добром – грубая ошибка. Обладать чувствительным сердцем и быть сентименталистом – это разные вещи.

Сентиментализм – не способность восхищаться ценностями, а склонность наслаждаться эмоциями независимо от ценностей, их производящих. Сентиментализм – это поиск эмоций ради удовольствия, которое ценности обеспечивают. Сентиментализм – это разобщение эмоций от добра, их порождающего. Это скрытая форма сладострастия.

Тот, кто читает книги, смотрит кино или слушает музыку только для того, чтобы наслаждаться эмоциями, вместо того, чтобы впитывать в себя ценности, есть сентименталист-сладострастник.

Тот, кто создает коммерческие организации только для того, чтобы наслаждаться предпринимательской динамикой, а не ценностями, присущими подлинному бизнесу, есть сентименталист-сладострастник.

Тот, кто практикует благотворительность не для того, чтобы любить, а для того, чтобы наслаждаться спокойной совестью, есть сентименталист-сладоэмоционалист.

Тот, кто молится, чтобы испытывать какие-то эмоции, вместо того, чтобы переживать подлинную, личную встречу с Богом, есть сентименталист-сладоэмоционалист.

Повторю: сентименталист – не тот, кто наслаждается эмоцией, а тот, кто изолирует эмоцию от ценности, ее производящей.

Есть политики, чей голос *трепещет* от наслаждения, когда они произносят слово «Человечество!», хотя человек для них – не больше цивилизованного орангутанга или салонной собачки. Жорж Клемансо, премьер-министр Франции начала XX-го века, прославился подобными театральными упражнениями. Эмоциональный тремор воинствующего гуманиста и безбожника – явление чисто физиологическое. Он наслаждается не человечеством, которое он презирает, а речью о человечестве. Он наслаждается звуком собственной речи. Это – сладоэмоционализм, чистой воды похоть.

Сентименталист-сладоэмоционалист призван установить или восстановить связь между эмоциями и ценностями. Он призван

восхищаться ценностями независимо от удовольствия, которое ценности ему доставляют.

И тогда эмоции, которые он будет испытывать, превзойдут по качеству все эмоции, которые он испытывал раньше. Радость – а не просто удовольствие – станет неотъемлемой частью его жизни.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Научись любить ценности сами по себе, а не ради удовольствия, которое они тебе доставляют. Проверь себя. Что ты ищешь? Физиологическое и психологическое наслаждение или подлинно духовную радость? Если первое по той или иной причине исчезнет, продолжишь ли совершать добро и упражняться в добродетели?

IX БЕЗУМНЫЙ СЕНТИМЕНТАЛИСТ

Сентименталист – не только тот, кто наслаждается эмоциями независимо от их источника, но еще тот, чье сердце отказывается от взаимодействия с разумом. Такой сентиментализм – скрытая форма безумия.

Интеллект хорош, если он не подавляет сердце. Сердце хорошо, если оно не подавляет разум. Сердце не должно подменять разум, не должно душить его.

Сердце постигает реальность способом более загадочным и сокровенным, но часто и более двусмысленным. Есть люди, которые считают сердце своим единственным проводником. На самом деле, их сердце – сердце своевольное, его суждения произвольны. Такие люди называют «интуицией» то, что на самом деле является результатом их субъективного воображения и чистой фантазии.

Прежде чем доверять своему сердцу, нужно научиться практиковать благоразумие (практическую мудрость), в котором сердце, разум и воля работают рука об руку. Многие совершают гнусные преступления «по зову сердца»: прелюбодействуют, мужеложествуют, подстрекают к войне, терроризируют целые народы... Для людей, лишенных благоразумия,

единственным законом должен стать не «закон сердца», а «закон совести». Голос совести – голос Божий в человеке – звучит в нас важнее и основательнее, чем тот голос, который мы в результате самообмана называем «голосом сердца». Подлинный голос сердца не гнушается совестью. Напротив, он предполагает ее.

Безумные сентименталисты очень любят цитировать слова Паскаля: «Сердце имеет свои резоны, неизвестные разуму».²⁰ Они забывают, что Паскаль помимо большого сердца обладал чуткой совестью.

Мы часто встречаем людей, которые обижаются на всякие мелочи. Они чувствуют себя оскорбленными даже тогда, когда никто их не оскорбил. «Я чувствую себя обиженным», – говорят они, и этого достаточно, чтобы объявить войну всему человечеству.

Безумные сентименталисты – это не люди сердца: это сумасшедшие, которыми манипулирует гордыня.

Безумный сентиментализм – могила для сердца.

---

²⁰ Б. Паскаль, *Мысли*.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Научись слушать свою совесть, прежде чем слушать то, что ты называешь «сердцем». Сердце, попирающее совесть, – не свободное сердце. Это сердце эгоистичное, лицемерное и извращенное.

Х БЕЗВОЛЬНЫЙ СЕНТИМЕНТАЛИСТ

Сентиментализм выражается иногда в безумии, а иногда – в безволии.

Безвольный сентименталист отказывается от любой конфронтации с людьми, даже с теми, кто заблуждается и кому надо помочь вернуться на правильный путь.

Безвольный сентименталист не вразумляет своего ребенка, друга, ученика или сотрудника. «Не надо заставлять людей страдать!» – говорит он. На самом деле, он боится столкновений, даже конструктивных и созидательных. В нем нет мужества. Его воля подавлена сердцем.

Безвольный сентименталист не способен любить и делать добро. У него слишком «доброе» сердце, чтобы делать добро, слишком «любящее» сердце, чтобы любить по-настоящему.

Тургеневский Рудин – безвольный сентименталист. Он легко увлекается и увлекает других восторженными речами о свободе и самопожертвовании. Он зажигает сердца, но не в силах действовать. Очарованная его идеалами юная Наталья влюбляется в него. И Рудин влюбляется в нее. Но в какой-то момент Наталья рассказывает, что ее мать сказала, что скорее увидит свою дочь мертвой, чем замужем за Рудиным.

Рудин спрашивает Наталью, что́ она ответила. «Я сказала ей, что лучше умру, чем выйду за другого замуж!». Наталья готова навсегда бросить родных, чтобы последовать за Рудиным. Она спрашивает, есть ли у него план. И вот что отвечает наш герой: «матушка не согласна!», мы должны «покориться», «нам не суждено жить вместе»...

У Рудина нет воли противостоять своей будущей теще... Это смешно. Нам стыдно за Рудина. Его любовь – фальшь. Рудин пытается оправдать себя перед Натальей, но в глубине души прекрасно понимает, что он – ничтожество: «Да, природа мне много дала; но я умру, не сделав ничего достойного сил моих... Первое препятствие – и я весь рассыпался... Я родился перекаати-полем. Я не могу остановиться... Испортил я свою жизнь». ²¹

«Матушка не согласна!..». Безвольный сентименталист должен укрепить свою волю, упражняясь в добродетели мужества.

---

²¹ И. Тургенев, *Рудин*.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Не бойся препятствий на пути к добру. Посредством воли воплощай в реальность свои мечты и цели. Не отказывайся от добродетели даже если тебе кажется, что она может привести к конфликту. Не будь трусом или лицемером. Научись преодолевать конфликты открыто и мужественно.

XI ЧЕРСТВЫЕ СЕРДЦА

Мы говорили о неуравновешенных сердцах, чей порок вызван отсутствием гармоничного взаимодействия с разумом и волей. Теперь мы должны сказать несколько слов о черстных сердцах – сердцах, не чувствующих красоту, добродетель, любовь, величие, милосердие, чужую боль.

Есть одержимые сердца, подобные тем, которые мы встречаем в героях романа «Бесы» Ф. М. Достоевского. Это адские сердца, всегда готовые плюнуть с цинизмом на всякие ценности. Драматические и беспрецедентные события последних веков подтверждают существование таких сердец.

«Слушайте, мы сделаем смуту, – бормотал Петр Верховенский быстро и почти как в бреду... Мы сделаем такую смуту, что всё поедет с основ... Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны... Мы всякого гения потушим в младенчестве... У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет... все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно... Везде тщеславие размеров непомерных, аппетит

зверский, неслыханный... Одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького... Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... А тут сила, да еще какая, неслыханная! Нам ведь только на раз рычаг, чтобы землю поднять. Всё подымется!.. И взволнуется море, и рухнет балаган, и тогда подумаем, как бы поставить строение каменное. В первый раз! Строить мы будем, мы, одни мы!»²²

«Бесы» Достоевского – отчаявшиеся существа. Они не верят в Бога, но верят в дьявола. В своем отчаянии они решили взорвать вселенную, чтобы построить – по своему образу и подобию – что-то новое и невообразимое: земной ад – вечный, нерушимый.

Такие сердца, которые больше не принадлежат себе и блуждают по миру, чтобы демонизировать землю и ее обитателей, может излечить только обряд экзорцизма.

Одержимые сердца есть, но они исключение. Зато мы нередко встречаем черствые сердца, такие как у флоберовского Фредерика Моро²³, лермонтовского Печорина, пушкинского Онегина, мориаковской Изабель Фондодеж²⁴. Подавляя в себе голос совести, они стали сухими, холодными и даже циничными.

---

²² Ф. М. Достоевский, *Бесы* (II часть, VIII глава).

²³ Г. Флобер, *Воспитание чувств*.

²⁴ Ф. Мориак, *Клубок змей*.

Фредерик Моро – романтически настроенный юноша, который под воздействием буржуазной среды Второй империи становится пустым и циничным. «Воспитание чувств» – книга о падении человека...

Григорий Печорин – пресыщенный аристократ, неспособный что-либо почувствовать (глаза его «не смеялись, когда он смеялся») – и разрушающий жизнь всех, кто его окружает. Но Григорий Печорин глубже и искреннее Фредерика Моро: «Зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных». Порочные склонности человеческой природы, если им не противодействовать, помрачают разум и колеблют волю, а главное – они портят сердце. Человек, помешанный на власти, деньгах или чувственных наслаждениях, заиклен на самом себе. Для него жизнь – не задание, а совокупность ощущений. Других он уже не видит, не видит их достоинства, боли, потребностей.

Евгений Онегин – равнодушный молодой дворянин («рано чувства в нем остыли»), ради забавы флиртовавший с невестой своего друга, а затем убивший его на дуэли...

Изабель Фондодеж – убежденная католичка из буржуазной семьи, но несправедливая и лицемерная. Она часто и охотно исповедует свои мелкие грехи, не замечая того, что все ее существо грешно, что вся ее жизнь – сплошное нарушение всех евангельских заповедей. Изабель грешна «по сути». Грешно ее сердце. Она видит свои грешки, но не видит большого, тяжкого и смертного греха, который снедает ее изнутри и превращает в чудовище. Она не видит, что каждый ее поступок извращен нечистым намерением – желанием утверждать моральное превосходство человека, внешне исполняющего все обряды. Изабель исполняет свои христианские *обязанности*, но не живет христианской *жизнью*. «Никогда я не встречал человека столь искренне несправедливого и порочного, как ты», – говорит Луи, ее муж.

Моро, Печорин, Онегин, Фондодеж... каждый из них *стал* тем, кто он есть – по собственной воле. Никто не рождается с черствым сердцем. Сердце *становится* черствым.

Черствость – результат наших эгоистичных решений, которые, накапливаясь, делают нас невосприимчивыми к трансцендентному и изолируют нас от людей.

Решения, которые мы принимаем с раннего детства, во многом зависят от ценностей, которые приходят в нашу жизнь через родителей,

учителей, людей нас окружающих. Но, в конечном счете, это *наши* решения: мы их принимаем, сознательно или неосознанно.

Черствые сердца – не потерянные сердца.

Развращенный Григорий Печорин мог бы обратить свое сердце, встретив на своем пути целомудренную княжну Мери.

Эгоцентричный Евгений Онегин мог бы существенно измениться, сблизившись с великодушной Татьяной, которая страстно любит его.

Лицемерная Изабель Фондодеж могла бы разорвать оковы своей слепоты, если бы она не умерла раньше мужа и успела прочитать его весьма искреннюю исповедь, к ней обращенную.

Посредственный Фредерик Моро...

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Чтобы исцелить пересохшее сердце, надо *прикасаться к нему* всей силой нашего терпения и нашей любви. Еще надо стараться подтолкнуть его к искренности с самим собой.

ХII РАНЕНЫЕ СЕРДЦА

Черствые сердца и раненые сердца – это разные вещи. Черствые сердца сами повинны в своей испорченности. Раненые же сердца – жертвы внешней агрессии.

Самые глубокие раны наносят те, кто призван любить нас больше всего.

В повести А. П. Чехова «Три года» между Алексеем и Федором Лаптевыми, забитыми сыновьями московского купца, завязывается диалог о смысле их существования. Алексей с беспощадной искренностью раскрывает перед нами суть борьбы, которую он ведет с самим собой ради восстановления своего человеческого достоинства.

Федор только что закончил писать статью о величии России и духовной нищете Европы и предлагает брату прочесть ее. Алексей заявляет, что все написанное – бред.

«Помолчали минуту. Федор вздохнул и сказал:

– Глубоко, бесконечно жаль, что мы с тобой разны мыслим. Ах, Алеша, Алеша, брат мой милый! Мы с тобою люди русские, православные, широкие люди; к лицу ли нам все эти немецкие и жидовские идеишки? Ведь мы с тобой не

прохвосты какие-нибудь, а представители именитого купеческого рода.

– Какой там именитый род? – проговорил Лаптев, сдерживая раздражение. – Именитый род! Деда нашего помещики драли, и каждый последний чиновничка бил его в морду. Отца драл дед, меня и тебя драл отец. Что нам с тобой дал этот твой именитый род? Какие нервы и какую кровь мы получили в наследство? Ты вот уже почти три года рассуждаешь, как дьячок, говоришь всякий вздор и вот написал – ведь это холопский бред! А я, а я? Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смелости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шаг, точно меня выпорют, я робею перед ничтожествами, идиотами, скотами, стоящими неизмеримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворников, швейцаров, городских, жандармов, я всех боюсь, потому что я родился от затравленной матери, с детства я забит и запуган!.. Мы с тобой хорошо сделаем, если не будем иметь детей. О, если бы дал бог, нами кончился бы этот именитый купеческий род!»²⁵

Алексея Лаптева спасает его искренность, его желание осмыслить свое прошлое и жить новой жизнью. Федор же, неспособный к такому анализу, закончит свои дни в сумасшедшем доме.

---

²⁵ А. П. Чехов, *Три года*, глава XV.

Но пройдет ли Алексей свой путь до конца?
Сможет ли он простить отца и исцелить навсегда
еще не зажившую рану?

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

**Раны, полученные в семье, – это раны, которые
можно исцелить одним только прощением –
прощением, предложенным палачу.**

ХІІІ КРАСОТА

Мы рассмотрели, как восстановить гармонию в неуравновешенных сердцах, как оживить черствые сердца и излечить сердца раненые. Теперь посмотрим, как воспитать сердце, как взрастить в себе благородные чувства, чтобы они достигли высокого уровня силы и зрелости.

В процессе воспитания сердца необходим опыт переживания красоты, величия, любви, свободы и милосердия. Еще необходим опыт боли и страдания.

Для Платона все прекрасное или доброе в мире – лишь отражение архетипа, божественного идеала, которым мы не можем вполне насладиться на этой земле. Но опыт переживания красоты более всего способен освободить нас от земных оков и приобщить к совершенному миру.

Платон пишет, что при созерцании красоты, мы испытываем *ностальгию* по другому, идеальному миру. Красота напоминает о данном нам *обещании* – обещании счастья, которое выше того, что могут предложить нам земные удовольствия. «Экстазис», вызванный красотой, окрыляет нас.

Красота в лицах, в природе, в искусстве... Шедевры мировой культуры (книги, картины, песни, фильмы) вызывают в нас необычные эмоциональные переживания. Эйфория, вызванная чудом, разрушает стены ленивого комфорта и разбивает узы привычного спокойствия. Такие произведения раскрывают нам величие человека, призывают нас к творческой и самоотверженной жизни.

Посмотрим на это полотно – «Песнь жаворонка» (1884 г.) – Жюль Бретона. Молодая крестьянка, услышав песню жаворонка, на мгновение прерывает свою работу. Девушка поражена и восхищена красотой песни, которую она, однако, слышит каждый день. Для нее обыденность – это уже чудо. Из-за горизонта встает солнце и, как птичья песня, говорит нам, что все есть дар, и что ничего нет само собой разумеющегося. Свободное сердце девушки мгновенно откликается на зов красоты. Она с удивительной силой произносит «Да!». Она не действует – она позволяет действовать в себе Другому.

«Песнь жаворонка» не может оставить нас равнодушными. Мы просто не можем не откликнуться. Я прекрасно понимаю, почему американский актер Билл Мюррей, переживая болезненный дебют в 1970-е годы в Чикаго, увидев эту картину, отказался от самоубийства.

Бог говорит с нами через красоту. Но Он хочет, чтобы мы свободно и радостно преображались в ней.

Природа, литература, живопись, музыка, кино – вот инструменты, которые использует Бог, чтобы пробудить в нас возвышенные чувства. Бог говорит с каждым из нас на языке, который нам понятен, и в час, когда мы можем Его услышать. Такие *посещения*, если мы серьезно к ним относимся, расширяют и укрепляют наше сердце.

Смирненное сердце не боится красоты. Смирненное сердце доверяет красоте, находит в ней пищу для жизни и горючее для взлета.

Сергей Булгаков, русский философ и богослов, рассказывает, как на рубеже XIX и XX веков, состояв на тот момент в обществе «легальных марксистов», пережил необыкновенную *встречу* при виде Сикстинской Мадонны Рафаэля в Дрезденской художественной галерее.

«Проездом спешим осенним туманным утром, по долгу туристов, посетить Цвингер со знаменитой его галереей. Моя осведомленность в искусстве была совершенно ничтожна, и вряд ли я хорошо знал, что меня ждет в галерее. И там мне глянули в душу очи Царицы Небесной,

грядущей на облаках с Предвечным Младенцем. В них была безмерная сила чистоты и прозорливой жертвенности, – знание страдания и готовности на вольное страдание, и та же вещь жертвенность виделась в недетски мудрых очах Младенца. Они знают, что ждет Их, на что они обречены, и вольно грядут Себя отдать, совершить волю Пославшего: Она “принять орудие в сердце”, Он – Голгофу... Я не помнил себя, голова у меня кружилась, из глаз текли радостные и вместе горькие слезы, а с ними на сердце таял лед, и разрешался какой-то жизненный узел. Это не было эстетическое волнение, нет, то была встреча, новое знание, чудо... Я (тогда марксист) невольно называл это созерцание “молитвой” и всякое утро, стремясь попасть в Цвингер, пока никого еще там не было, бежал туда, пред лицо Мадонны, “молиться” и плакать, и немного найдется в жизни мгновений, которые были бы блаженнее этих слез... Сикстинская Богоматерь в Дрездене, Сама Ты коснулась моего сердца, и затрепетало оно от Твоего зова». ²⁶

Как пишет Булгаков, то была не эстетическая, а религиозная эмоция. Но именно через эстетическое соприкосновение свершилось чудо, произошла встреча. Во встревоженном и в то же время безмятежном лице Мадонны

---

²⁶ С. Н. Булгаков, *Свет невечерний*.

Булгаков узнал смысл своего существования. Его холодное сердце растворилось в горячих слезах сокрушенности и благодарности.

Когда через 26 лет – в 1924 году – у Булгакова появится возможность снова увидеть рафаэлевскую Мадонну, она будет ему почти противна. Такого типа разочарование крайне полезно: оно, как ни странно, свидетельствует о подлинности чуда, о подлинности встречи. С нами говорит не картина, не книга, не музыка. С нами говорит Бог. Эстетика – только инструмент. Если шедевр сегодня нам уже ничего не говорит – это не значит, что встреча, которую Бог позволил нам в свое время пережить – всего лишь продукт нашего сознания. Напротив, это, скорее всего, знак подлинности *посещения*.

Впрочем, Бог нередко использует один и тот же инструмент, одно и то же эстетическое чудо, чтобы затронуть сердца множества людей.

Возможно, именно шедевр Рафаэля побудил Ф. М. Достоевского вложить в уста князя Мышкина слова: «Красота спасет мир»²⁷. «Сикстинская Мадонна» – такая земная и такая духовная – так или иначе присутствует в большинстве произведений русского писателя. В «Бесах» она становится универсальным символом красоты, на который плюют нигилисты.

---

²⁷ Ф. М. Достоевский, *Идиот*. Часть III, глава V.

Красота – неоспоримая данность. Красота осязаема, она «плоть» истины и добра, она – самое непосредственное выражение истины и добра. Можно сомневаться во всем, кроме красоты. Красота не подчиняется релятивизму и агностицизму. В мире, где сомнение считается высшей ценностью, красота – якорь спасения.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Начни с простого: создай красоту в местах, где живешь, работаешь, отдыхаешь. Красота – это гармония, достоинство, чистота. Красота совместима с бедностью, но она не совместима с грязью, с неряшливостью, с дурным вкусом. Создай вокруг себя атмосферу, напоминающую о высших ценностях истины и добра. Пусть твои друзья найдут там тепло, достоинство, вдохновение.

XIV ВЕЛИЧИЕ

Опыт добра, как и опыт красоты, расширяет наше сердце, очищает и разжигает его.

Каждый из нас мог бы рассказать о событиях, которые глубоко взволновали его и послужили поводом к радикальным переменам в жизни. Никогда не забуду старушку, которую встретил когда-то в Выборге. Она рылась в мусорных баках железнодорожного вокзала, и я предложил ей помощь. В ответ она подарила цветы, купленные на только что полученные от меня же деньги, хотя сама, разумеется, была в большой нужде.²⁸

Щедрость, благодарность, смелость не оставляют наши сердца равнодушными. Но если есть добродетель, способная разжечь наши сердца, то это великодушие – добродетель тех, кто, словами Аристотеля, считает себя достойным великого²⁹.

Посмотрим на картину Джона Эверетта Милле, где изображены два подростка (молодой Уолтер Рэли, известный английский путешественник Елизаветинской эпохи, и его брат), сидящие у ног женевского моряка на

---

²⁸ Я подробно рассказываю эту историю в предисловии к своей книге *Нравственное лидерство*.

²⁹ См. мою книгу *Сотворенный для величия*.

морском побережье Девоншира. Матрос рассказывает подросткам о своих приключениях, и его правая рука, обращенная к океану, бросает им вызов. Уолтер захвачен красотой и величием замысла открыть новые земли. Мечта в его сердце становится реальностью, миссией, свершением. Он смущается, потому что знает, что не отступит. Брат же полностью безразличен к происходящему. Он уже решил, что это его не касается. Картина «Детство Рэли» – аллегория великодушия.

Великодушный хочет величия – в бытии и действии. Он жаждет *совершать* великие дела, но прежде всего он желает *быть* великим. Он уверен в себе, в своих талантах, в своих способностях. Он чувствует себя свободным и сильным. Он устремляет свое воображение к самым его пределам. Он полон надежд. Он мечтает и превращает свою мечту в миссию. В проблемах он видит возможности. Препятствия он воспринимает как перевалы, которые нужно преодолеть. Он убежден, что зло – это добро, которое он мог совершить, но не совершил. Он рискует всем, потому что боится потерять то, что выше всего.

Величие великодушного пугает малодушных, но вдохновляет смиренных, подлинно смиренных людей.

Томас Мор, английский политик, не позволил своему королю манипулировать собой и пожертвовал всем, – семьей, работой, почестями, даже жизнью, – чтобы сохранить в чистоте свою совесть...

Александр Солженицын, русский писатель, перед лицом космической машины лжи, тупости, жестокости и уничтожения, уверенно вел борьбу за освобождение своего народа от коммунистической идеологии...

Мартин Лютер Кинг, американский проповедник, вселил в сердце каждого афроамериканца острое чувство собственного достоинства и ценой своей жизни превратил свою мечту в Миссию...

Жером Лежен, французский генетик, защищал научную истину о начале человеческой жизни и, пожертвовав своей карьерой, стал самым признанным защитником миллиардов нерожденных детей...

Тереза Калькуттская, албанская монахиня, стала матерью для сотен тысяч нищих во всем мире, хотя мир хотел, чтобы она стала медсестрой. Она основала не больницу, а монашеский орден, чтобы «люди, жившие, как животные, умирали, как ангелы, – с нашей любовью»...

Жанна д'Арк, лотарингская крестьянка, в 17 лет превратила сборище отчаявшихся трусов в

армию отважных воинов, инициировала духовное возрождение страны, погрязшей во мраке малодушия и трусости...

Для воспитания сердца необходим опыт величия. И величие чаще всего обнаруживается в повседневных делах и событиях. Просто надо уметь наблюдать. Родители, друзья, учителя... Часто их жизнь – это уже «инфоповод», история для средств массовой информации.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Дружи с людьми, вдохновляющими тебя своим великодушием. Наблюдай за ними и подражай им. Создай вокруг себя «великодушное окружение». Твое окружение – это книги и газеты, которые ты читаешь, фильмы, которые ты смотришь, музыка, которую ты слушаешь. Это твой интернет, грандиозный или мелочный. Будь избирательным: отбрасывай пошлое, отфильтровывай сомнительное, и наполняй свое сердце благородством.

XV ЛЮБОВЬ

Посмотрим на картину «Возвращение из города», написанную Алексеем Корзухиным в 1870 году. Мы видим отца бедной крестьянской семьи, только что вернувшегося с работы. Он устал, глаза его покраснели. Но он не отдыхает, не пьет, не ест: он отдает себя детям. Эта картина отражает величие и подвиг повседневной жизни. Младшая дочь – ей 5 или 6 – смотрит в лицо отца с почитанием. Она знает, что он – не «игрушка».

Опыт щедрой и безусловной любви способен изменить глубины нашего бытия. Любовь – высшее благо. Когда нам дарят ее мать или отец, брат или сестра, муж или жена, друг или незнакомец, когда нам дарит ее Бог, – если мы смиренны, любовь сокрушает ярмо нашей малости.

Человек создан, чтобы быть любимым, но слишком многие в своей жизни не испытывали любви. Мы говорили о раненых сердцах, которые можно вылечить только искренним прощением, предложенным палачу. Но чаще всего виноваты мы сами: мы не замечаем любви, которую дарят нам.

Испытывать любовь – значит чувствовать, что нас любят и что мы любим.

В концлагере «Освенцим» австрийский психиатр Виктор Франкл вспоминал лицо своей жены Тилли. Любящее созерцание ее лика позволяло ему не впасть в отчаяние.³⁰

Анри Гийоме, французский летчик, чей самолет разбился в Андах в июне 1930 года, испытал соблазн позволить себе умереть на месте. Однако, вспомнив жену, он встал и при сорокаградусном морозе передвигался через горные перевалы пять дней и четыре ночи.³¹

Как земная любовь, так и любовь к Богу... У человека одно сердце, с этим сердцем он любит Бога и людей. Невозможно любить Бога с выхолощенным сердцем. Невозможно любить Бога, не *влюбившись* в Него. Книга «Песнь песней» Ветхого Завета наглядно подтверждает эту точку зрения: в человеке любовь обязательно коренится в телесной реальности.

В настоящей любви всегда присутствует Эрос. Любви нужно физически осязаемое присутствие, которое приведет сердце в движение. Настоящая любовь не может жить без восторга, восхищения, экстаза.³²

Восторг этот – начало пути, ведущего к самоотдаче. Подлинный Эрос –

---

³⁰ В. Франкл, *Человек в поисках смысла*.

³¹ А. Экзюпери, *Планета людей*.

³² См. J. Pieper, *Divine madness*, Ignatius, San Francisco, 1995, p. 44.

противоположность эгоцентрическому наслаждению, которые продают бордели и секс-шопы. Подлинный Эрос неизбежно ведет к Агапе, бескорыстной любви к ближнему.

Любовь – земная или божественная – делает человека страстным, радостным, сильным и щедрым. Она делает его интересным.

Похоть же делает человека холодным, эгоцентричным, трусливым и грустным в глубинах бытия. Она делает его неинтересным.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Помни моменты твоей жизни, когда тебя любили. Помни минуты, часы, дни, когда любовь обрушилась на тебя, как цунами, чтобы переполнить твое сердце несказанной радостью и прославить твое достоинство. Созерцай эти моменты и наслаждайся ими. Очисти свою память от всего, что может вызвать в тебе обиду или горечь.

XVI СВОБОДА

Вспомним вставную «поэму» Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. История разворачивается в Севилье XV века. Автор воображает, что Иисус Христос вернулся на Землю, чтобы ближе познакомиться с испанской инквизицией, историческим явлением так мало соответствующим Его учению. Великий Инквизитор берет Христа под стражу и приговаривает к смертной казни:

«... Завтра же я осужу и сожгу тебя на костре... Не ты ли так часто тогда говорил: “Хочу сделать вас свободными”. Но вот ты теперь увидел этих “свободных” людей... Да, это дело нам дорого стоило... но мы dokonчили его наконец... Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко... Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим... Ничто, никогда, ни для человеческого общества, ни для человека не было более невыносимым, чем свобода!... Убедятся

тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики... Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть...

Когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит. Ему тяжело его молчание. Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает.

Поцелуй горит на его сердце...»

В этом повествовании раскрывается драма современной истории – истории, основанной на утверждении неслыханного насилия: свобода – это крах, провал, неудача! У человека никогда не было других желаний, кроме как удовлетворять все свои примитивные влечения, не будучи ни на минуту потревоженным голосом совести!

Это дьявольская клевета. Может показаться, что узник согласен: он не защищается, не оправдывается. Но своим последним жестом он потрясает душу инквизитора: «Поцелуй горит на его сердце...»

Это поцелуй человеколюбивого Промысла Божия: «Я хочу сыновей, а не рабов!». Мы понимаем и любим свободу, когда осознаем наше достоинство детей Божиих. Лишенный чувства божественного усыновления, современный человек с трудом понимает смысл свободы. «Теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим...». Пить или есть, заниматься любовью или читать газеты – вот для них свободный выбор! Вот для них смысл свободы!

Быть сыном – значит бунтовать против того, что лишает нас нашего богосыновства. Это значит перестать быть стадом и войти в число тех, для кого свобода – не в жалких, своевольных решениях человека, а в благородном выборе в пользу добра.

«Истина сделает вас свободными»³³, – говорит Богочеловек. О какой истине идет речь? О том, что мы усыновлены Богом во Христе. Только сердце, осознающее свое достоинство, может быть свободным.

Религия – единственно возможный ответ на манипулирующий людьми тоталитаризм. «Религия, – утверждает святой Хосемария

---

³³ Ин 8, 32

Эскрива, – самый грандиозный бунт человека, который не хочет жить как животное. Который не удовлетворяется и не успокаивается, пока не достигнет общения с Творцом и не познает Его... Рабство или богосыновство – третьего не дано. Или дети Бога – или рабы тщеславия, похоти и унылого эгоизма, который многим кажется столь привлекательным». ³⁴

Религиозное чувство очищает, возвышает и облагораживает наши эмоции. Религия – не надстройка, не искусственное украшение. Человек – существо религиозное. Отрицать природную религиозность человека – значит разрушать его сердце.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Осознай и утверди свое достоинство. Не позволяй коммерсантам и идеологам манипулировать тобой, зомбировать тебя, превращать тебя в пустое существо без прошлого, без родины, без семьи и без Бога. Научись говорить «нет». Вращивай в себе здоровую, благородную гордость.

---

³⁴ Св. Х. Эскрива, *Друзья Божии*, № 38.

XVII МИЛОСЕРДИЕ

Посмотрим на фреску Мазаччо «Изгнание из рая». Ева опустошена и раздавлена скорбью, на ней нет лица. Она ослушалась, утратила свою невинность, лишилась своего достоинства. В теле и в сердце она ощущает всю полноту своего падения, предугадывает, какой объем грязи и глупости обрушится из-за нее на человечество до конца времен. Но Ева не знает Бога, не знает Его милосердия. Вместо того чтобы с сокрушенным сердцем броситься в Его отцовские объятия и раз и навсегда положить конец этой печальной истории, она запирается в лабиринте боли и горечи.

Искреннее раскаяние – вот путь к внутреннему миру. Наши грехи перестают быть бременем. Бог – Отец, а отцам свойственно прощение. Бог прощает даже самые отвратительные грехи. Но как простить того, кто не просит прощения? Единственный непростительный грех – не признавать свой грех. Это грех фарисейства.

Раскаяние – возвышенное чувство. Блудный сын, расточивший свое наследство на распутную жизнь, царь Давид, взявший жену преданного

воина и заказавший убийство последнего, чтобы скрыть свою вину... оба возвращаются к Богу с сокрушенным сердцем.

Посмотрим на картину «Давид», написанную испанским художником Педро Берругете в 1490 году. Взгляд Давида... Этот взгляд, который когда-то был причиной падения, стал взглядом прощенного и преображенного милостью Божией человека. Это взгляд грешника, спасенного от адской бездны своей неверности и допущенного благодаря своему искреннему раскаянию к вершинам новой жизни. Это взгляд человека, который никогда не забудет ни пережитые испытания, ни милосердие, подаренное Богом.

Сокрушенное сердце – самая приятная Богу жертва. Давид – единственный человек, которого Бог назвал: «муж по сердцу Моему». ³⁵

Раскаяние расширяет наше сердце и воспламеняет его с новой силой:

*«Мы часто видели, / Как выплескивается огонь
/ Из древнего вулкана, / Того, что показался
слишком стар...*

*Говорят, / Что выжженная земля / Дает
больше пшеницы, / Чем апрельские дожди».*

---

³⁵ Деяния 13:22

Это гениальные слова французского шансонье Жака Бреля.³⁶

Дать больше огня, больше пшеницы...

Сокрушенное сердце превращает грех в победу, падение – в восхождение, слабость – в силу.

Мы сказали, что единственный непростительный грех – не признавать свой грех. На самом деле, есть и другой грех, такой же непростительный – сомневаться в милосердии Божиим. Это грех Иуды. Ева не знала сердца Бога, но Иуда, столько лет проживший рядом с Христом, должен был знать его.

Сокрушенное и прощенное сердце – сердце, примиренное с Богом, с самим собой, с другими. Опыт явленного нам милосердия делает нас милосердными. Если переживание нашего богосыновства побуждает нас к благородному бунту, опыт дарованного нам прощения открывает в нас сострадание и понимание даже по отношению к нашим врагам.

Опыт милосердия расширяет наше сердце, делает его способным испытывать самые возвышенные чувства – чувства Сердца Богочеловека.

---

³⁶ Ж. Брель (J. Brel), *Не покидай меня (Ne me quitte pas)*. Пер. мой – А.Д.-Х. « On a vu souvent / Rejaillir le feu / D'un ancien volcan / Qu'on croyait trop vieux... Il est paraît-il / Des terres brûlées / Donnant plus de blé / Qu'un meilleur avril. »

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Не стыдись своего греха. Стыдись своего страха показаться таким, какой ты есть. Научись искренности, прозрачности. Научись просить прощения за твои проступки и ошибки не завтра, а сегодня. Научись быстро прощать обиды.

XVIII СТРАДАНИЕ

Посмотрим на картину Жана-Франсуа Милле «Человек с мотыгой»: крестьянин изнурен тяжелым трудом в поле, он опирается на рукоять мотыги, у него массивный нос, длинные жилистые руки, огромные башмаки, согбенная спина – хотя герой на картине еще молод, – лицо землистого цвета, глаза запали. Кажется, что крестьянин смотрит вдаль, но на самом деле он никуда не смотрит: он страдает. Он – Христос, терпеливо и смиренно несущий на себе грех мира. Он – пролетарий Маркса, которому «нечего терять, кроме своих цепей»³⁷ и который через несколько лет «взорвет балаган». Страдание – кратчайший путь на небеса и кратчайший путь в ад. В скорби нужно великое смирение, чтобы сделать верный выбор.

Мы все знаем людей, которые возвысились в страданиях, и других, которые из-за них опустились. Умение раскрыть смысл боли и благородно принять вызов, который она нам бросает, – вот путь к счастью.

Пьер Безухов, Наташа Ростова, Андрей Болконский... через страдание центральные персонажи толстовской эпопеи становятся лучше. Их преобразование радикально, и их счастье перед лицом жизни и смерти – абсолютно.

---

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Манифест коммунистической партии*.

Без религиозного видения жизни невозможно постичь смысл боли. Варлам Шаламов и Александр Солженицын описывали бытие в советских концлагерях. Но какая разница! Шаламов, атеист, видит исключительно жестокость и бесполезное страдание. Солженицын, верующий, в муках обнаруживает величие человека, постигающего масштаб нравственного вызова, с которым он сталкивается, и встречающего этот вызов с высоко поднятой головой, с силой своей веры, надежды и любви.

Страдание – это тайна, это «таинство». Хочется встать на колени перед людьми, достойно встретившими жизненные испытания.

Помню своих бабушек и дедушек. Когда я был ребенком, я смотрел на них как на высших существ, потому что знал, что они пережили войну, революцию, голод, изгнание, потерю родственников и друзей. В скорби они стали прекрасными, почти божественными.

Сердце, смиренно и терпеливо страдавшее, преображено божественным присутствием.

«Нет, это не я, это кто-то другой страдает. Я бы так не могла ...».³⁸ Это слова Анны Ахматовой. В своем горе (муж расстрелян, сын в концлагере) поэт осознает величину полученного дара: в ней страдает Бог. Стрaдание – не простое посещение. Это приобщение к сокровенной жизни Бога.

Человек создан, чтобы быть любимым, и, как ни странно, эта любовь передается преимущественно через боль.

Нужно смирение, чтобы выйти из боли победителем.

Стрaдание – последняя проверка. С помощью страдания сердце человека обоживается.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Золото испытывается в огне... Не ищи страдания, но, если оно постигнет тебя, не отчаивайся. Прими его с готовностью. Осмысли его.

---

³⁸ А. А. Ахматова, *Реквием*, III.

Послесловие

Опыт красоты, величия, любви, свободы, милосердия и страдания очищает, расширяет, разжигает и возвышает наше сердце.

Единственное препятствие – гордыня.

Гордое сердце не отвечает на зов трансцендентных ценностей. Оно слышит, но не отвечает. Не отвечает и перестает слышать.

Смирненное сердце слышит всегда. Оно восприимчиво и отзывчиво. Оно полно благодарности. Оно счастливо.

Сердце формируется очень рано. Почему вот эта 4-летняя девочка особенно восприимчива к красоте и любви, тогда как ее сестра-близнец кажется невосприимчивой к превосходящей ее реальности? В глубине сердца ребенка разворачивается первая борьба – часто решающая – между добром и злом, щедростью и эгоизмом. Самые фундаментальные ориентиры нашего существования формируются в первые годы нашей жизни, задолго до того, как наш разум и наша воля начнут действовать.

Смирненное сердце открыто для трансцендентного. Гордое сердце закрыто для внешнего мира. Для смиренного сердца жизнь есть путешествие в запредельный мир. Для гордого сердца жизнь есть вращение вокруг самого себя.

Смирение – это привычка жить в истине, а великая истина состоит в том, что человек создан, чтобы быть любимым. Дать Богу любить нас – вот главный вызов в нашей жизни.